

ЗИНОВИЙ ВЫСОКОВСКИЙ: В ГОСТЯХ И ДОМА

...ТОГО интервью, которое было задумано, не получилось. На некоторые вопросы заслуженный артист РСФСР, актер Московского академического театра сатиры Зиновий Высоковский предложил ответить письменно — и ответил, другие его не заинтересовали, но главная «помеха» была в том, что он постоянно отвлекался. Вернее, увлекался, если разговор вдруг касался того, что ему особенно интересно или дорого. Был непредсказуем и в беседе, как на сцене, где никогда нельзя угадать ход его роли, настолько каждый раз он оказывается новым и неожиданным.

В калейдоскопе трех десятилетий жизни актера в искусстве можно найти все: от беспощадной политической и бытовой сатиры до лирических монологов о любви. Зиновий Высоковский — один из тех актеров, имена которых сознание зрителя отождествляет с комедией. Мы привыкли видеть их в комедийных ролях и убеждены — комедия для них главная и единственная стихия. Для Высоковского она — не единственна: проложенный им мост между комедийным спектаклем и публицистической эстрадой широк и надежен. Точность отбора красок, умение скупыми средствами выразить суть характера принесли успех его многочисленным ролям в спектаклях Театра сатиры, будь то «Ревизор» или «Замшевый плащ». Но удивительно искусство этого актера: острога обличения никогда не заслоняет в нем сочувственного внимания к людям. Гуманизм его осознан, выстрадан. И ты понимаешь: это его миропопимание, его кредо.

— Мне близка гоголевская мысль о том, что театр — кафедра, с которой можно сказать много добра. Осмеяние недостатков — не самоцель. Гораздо важнее то, что сатира — проявление доброты к людям, которые страдают от недостатков. Это искусство добрых, неравнодушных лю-

дей. Мне кажется, всем сатирикам мира близка формула: смеясь, человечество расстается со своими недостатками...

Да, комедийная линия в искусстве Высоковского — преобладающая. Но, повторимся, не единственная. Вспомним драматические, а нередко и трагические образы, такие, как, например, Лютиков из спектакля «Прощай, конференсье», — драматург, погибающий вместе с концертной бригадой на фронте.

— Как совместить эту работу с комическим амплуа и нужно ли это делать?

— Для актера самое неприятное — повторение. Есть, конечно, актеры, великолепно играющие однажды найденную маску... Мне же очень дорога возможность представлять перед зрителем в «полярных» образах, внутренне меняться, испытывать неожиданные метаморфозы и, удивляясь самому, удивлять зрителя...

— Тяжелая профессия?

— Необычайно. Понятно, что прежде всего действует такой могучий «двигатель», как любовь к ремеслу, призванию. И все-таки этого мало. «Труд» — это единственный титул истинного благородства. Это — мощь и радость человека-творца, — сказал в свое время Ромен Роллан...

— А если не актером, то кем бы вы стали?

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Историком. Только историком.

— Почему?

— Очень интересно знать, что делалось на земле много лет назад. Память, которая не исчезает и которую одни сохраняют для других, придает значимость подчас даже самому заурядному существованию.

Что ни роль, то новая биография, новый жизненный опыт, новое и своеобразное вторжение во внутренний мир человека. Это поистине «жизнь человеческого духа» — артист, особенно на эстраде, почти не пользуется внешними аксессуарами. Говорят, что в большинстве ролей он в чем-то играет самого себя. Пожалуй. В том смысле, в котором вообще актерское искусство можно объяснить незамысловатым математическим примером: актер либо умножает роль на себя, либо делит ее, и роль соответственно становится либо цельным произведением, либо частностью, частицей жизни и судьбы. Зиновий Высоковский умножает роль «на

себя», на свою творческую и человеческую индивидуальность, «из самого себя заново создает живого человека». В этом, вероятно, секрет «натуральности» его героев, а отсюда — эффект тесного контакта со зрительным залом...

В актерском деле есть очень важный момент. Припомните, как вы в детстве слушали сказки. У вас было полное ощущение соучастия. Этой же магии требует искусство. Актер должен обладать чувством зрителя, его сопринадлежности к действию. В этом одна из тайн Аркадия Райкина. Ты понимаешь, что в зале сотни людей. Они, как и ты, смеются, задумываются. Но у тебя полное ощущение, что артист в контакте именно с тобой, только с тобой. Внутренний контакт... Я уверен: в спектакле, на концерте, в телепередаче должна быть именно эта основа — контакт с каждым зрителем. Об этом Эдит Пиаф сказала до слез обожанно: «Да поймите же, я пою не для всех, я пою для каждого...»

— Есть роли, к которым вы относитесь по-особому?

— Да, такие роли есть. Самый наглядный пример — Тенгиз в спектакле «Маленькая комедия большого дома». Он мне близок особенно, ибо связан с Грузией, а с ней самое для меня дорогое — детство и юность. 14 октября 1941 года из Таганрога последним эшелон эвакуировали заводы, ценности и, конечно, самое большое богатство — детей. Грузия приняла нас всех. И всех назвала родными, кровными. Так в девять лет я стал тбилисцем. Мои родители работали на авиационном заводе имени Димитрова. Одинокая грузинская женщина, теть Маро, единст-

венный сын которой воевал на фронте, приютила всю нашу семью в доме на улице Чонкадзе, а затем мы переселились в небольшую квартиру на улице Камо. Здесь я учился в школе. Седой школьный сторож дедушка Шалва учил меня грузинскому языку. В школе мы постигали науки, а на школьном дворе все тот же дедушка Шалва, который подкармливал нас, мальчишек, кукурузными лепешками, преподавал нам народную мудрость. Здесь я обрел новых друзей, с которыми дружу по сей день. И хотя многие из них стали известными людьми, при встречах никто не вспоминает о своих ранах и заслугах — мы все те же мальчишки с улицы Камо... Сейчас я живу в Москве, другие люди меня окружают, другие события, но с уверенностью могу сказать, что характер мой, убеждения мои складывались здесь, в моем родном Тбилиси. Кстати, «грузинская тема» была продолжена мною и в спектакле «Концерт для театра с оркестром», посвященном 60-летию образования СССР. Он был объединен монологами о всех наших братских республиках. Монолог о Грузии как «московскому грузину» был доверен мне. Вы, наверное, помните, отрывки из него я читал здесь, в Тбилиси, во время Дней литературы и искусства РСФСР, посвященных 200-летию Георгиевского трактата, а совсем недавно я принял участие в концерте «Мелодии и ритмы Грузии» в Олимпийском...

— И как же вы себя чувствовали в концерте мастеров искусств Грузии?

— «Своим» среди «своих». Даже мой день рождения мы отпраздновали дружной «грузинской командой»...

В разговоре несколько раз прозвучало слово «счастье»... — По-моему счастье осознается, когда сам повод уже перебазировался в прошлое. Скажем, только сейчас я понимаю, как был счастлив, когда мальчиком с друзьями переплывал Куру, когда с волнением поднялся на пьедестал чемпиона Грузии среди юношей по плаванию, когда в тбилисском ТЮЗе поставили мою пьесу «Они полетят» — о ребятах, мечтающих полететь на Луну... Когда я думаю о счастье, то вижу перед собой маленькую, всю в цвету розовых акаций улицу Чонкадзе, двор с тополем, калитку, обвитую диким виноградом, вижу фундукалер, откуда, как на ладони, — Тбилиси — город моих первых радостей, город, навсегда оставшийся в моем сердце... Думаю, именно это большое чувство — счастье, я испытаю вновь, когда исполню свой долг перед моим другом — незабвенным Нодаром Думбадзе...

Зиновий Моисеевич показывает письмо писателя, в котором он просит актера прочитать по Центральному телевидению и Всесоюзному радио отрывки из нескольких его произведений на русском языке, и непременно с акцентом, которому учил его «дедушка Шалва».

...Все мы родом из детства. И есть у каждого из нас своя «малая родина», любовь к которой становится огромной вдохновляющей любовью ко всему своему народу, любовью к своей великой Отчизне, которую человек как самую драгоценную ношу пронесит через всю свою жизнь.

(Грузинформ для «Зари Востока»).